

Даже воры читают газеты. Однажды во времена перестройки квартира ученого на Профсоюзной улице была ограблена: исчезли картины, электроника, посуда. Московские газеты тотчас сообщили о случившемся. В публикациях подчеркивалось, что обворовали одного из самых великих ученых XX века, создателя ядерного оружия - мол, преступный мир распоясался всюду, для него нет ничего святого. А через пару дней в домоуправлении появились ящики, в которых аккуратно было сложено все, что было украдено у академика.

Залась на оккупированной территории и чудом осталась жива, потеряв сына, сестре Анне Борисовне пришлось пережить тяготы блокадного Ленинграда, а мать жены погибла в еврейском гетто в Риге...

Известно, что «Личное дело Харитона Ю.Б.» всегда было под рукой у Берия, он хранил его в личном сейфе. И Юлий Борисович об этом знал...

Мне посчастливилось встречаться с академиком Харитоном в Москве и Арзамасе-16, бывать на научных конференциях, где он выступал. Несколько раз я писал о нем,

К сожалению, это не так. И теперь о нем остаются только воспоминания. Иногда они быстро стираются из памяти, но о великом ученом они остаются навсегда. Так случилось и с памятью о Юлии Борисовиче Харитоне.

В моем архиве сохранились фотографии о первой встрече с Юлием Борисовичем группы литераторов, которые посетили Арзамас-16. Впервые мы попали в легендарный кабинет академика. В беседе приняли участие ближайшие соратники Харитона - академики Ю.А. Трутнев, А.И. Павловский и доктор наук Ю.А. Романов.

дарственных премий (все это - за создание оружия!), вспоминал:

«В начале 1949 года один из наших ведущих физиков придумал короткий лозунг: «Главная задача - перехаритонить Оппенгеймера». И перехаритонили... На Западе никто не думал, что СССР за каких-нибудь четыре года после самой разрушительной и ужасной из войн сможет ликвидировать разрыв между США и нами, связанный с ядерной наукой и техникой... В пятидесятые годы один из моих друзей говорил: «Когда после беседы с Юлием Борисовичем покидаешь его кабинет, кажется, у тебя за спиной вырастают крылья. Уходишь с верой - тебя поняли, тебе помогут, будет сделано все, чтобы реализовать твоё предложение». За долгую работу в лаборатории я знал лишь одного руководителя - ученого и блистательного организатора науки, в отношении которого можно было произнести такие слова. Это был Игорь Васильевич Курчатов».

Связка «Курчатов - Харитон», пожалуй, сыграла важнейшую роль в «Атомном проекте СССР».

И еще одно, о чем обязательно следует сказать. Речь идет о безопасности ядерного оружия. Рассказывает генеральный директор завода «Авангард» Ю.К. Завалишин:

«Это было в 1993 году. Ю.Б. позвонил мне и выразил желание побывать на предприятии, посмотреть разборку ядерных зарядов в специальных башнях, способных локализовать продукты взрыва при аварийной ситуации, ознакомиться с порядком хранения и учета делящихся материалов и с ходом строительства новых специальных безопасных хранилищ.

В эту встречу я особенно ощутил, как глубоко он переживает за будущее того величайшего достижения человеческого разума, которому он посвятил всю свою жизнь, и волновался, сумеют ли потомки использовать его на благо человечества, а не на гибель нашей цивилизации...»

Все-таки очень страшно это оружие, которое даже своих творцов заставляет иначе смотреть на пройденный путь! А подчас даже и сожалеть о том, что они сделали... Таких сомнений я не замечал у Юлиа Борисовича Харитона, при наших встречах он не высказывал их. Более того, в конце жизни он как бы подвел итоги своей работы:

«Я не жалею о том, что большая часть моей творческой жизни была посвящена созданию ядерного оружия. Не только потому, что мы занимались очень интересной физикой... Я не жалею об этом и потому, что после создания в нашей стране ядерного оружия от него не погиб ни один человек. За прошедшие полвека в мире не было крупных военных конфликтов, и трудно отрицать, что одной из существенных причин этого явилось стабилизирующая роль ядерного оружия».

Слова академика Ю.Б. Харитона в XX веке звучали пророчески. Но отражают ли они надежды будущего?

**Владимир ГУБАРЕВ**  
Фото автора

## ПЕРЕХАРИТОНИТЬ АМЕРИКУ!

### СТО ЛЕТ НАЗАД РОДИЛСЯ ЧЕЛОВЕК, КОТОРОМУ ЭТО УДАЛОСЬ

...Юлий Борисович Харитон сам рассказывал об этом случае, и я убедился, что некоторые легенды и мифы, окружающие его имя, имеют под собой реальную основу.

В эти февральские дни научная общест-венность отмечает 100-летие со дня рождения великого ученого и конструктора.

Звезда трижды Героя Социалистического Труда академика Ю.Б. Харитона горит на небосклоне XX века столь ярко, что мы очень часто обращаемся к ней не только в памятные даты, но и в будни - стоит только заговорить о ядерном оружии. И сразу же спрашиваем себя: «А что по этому поводу подумал бы Ю.Б.?» На протяжении полувека он был научным руководителем Арзамаса-16, под его руководством создано все ядерное и термоядерное оружие, что было в СССР и которое есть сегодня в России.

Юлию Борисовичу принадлежат слова: «Сознавая свою причастность к замечательным научным и инженерным свершениям, приведшим к овладению человечеством практически неисчерпаемым источником энергии, сегодня, в более зрелом возрасте, я уже не уверен, что человечество дозрело до владения этой энергией. Я осознаю нашу причастность к ужасной гибели людей, к чудовищным повреждениям, наносимым природе нашего дома - Земле. Слова покаяния ничего не изменят. Дай бог, чтобы те, кто идут после нас, нашли пути, нашли в себе твердость духа и решимость, стремясь к лучшему, не натворить худшего».

Это было сказано на исходе жизни, когда к мнению человека обязательно нужно прислушаться...

Во времена Сталина и Хрущева, Брежнева и Андропова, Горбачева и Ельцина - всегда академик Харитон оставался научным руководителем атомной проблемы и главным конструктором ядерного оружия. Никто из вождей не смел (да и не мог!) найти ему замену, потому что с именем академика Харитона связано не только совершенство этого оружия, но и его безопасность. У американцев случались аварии, даже катастрофы с ядерными боеприпасами, у нас - никогда! (При этих сло-

вах Юлий Борисович обязательно стучал пальцем по деревяшке.)

Он врывается в ядерную физику вместе с Я.Б. Зельдовичем в 1939 году, и об их работе в Академии наук говорят в превосходной степени. В стенограмме записано так:

«...детальный и очень интересный расчет был выполнен и доложен сотрудниками Института химической физики Зельдовичем и Харитоном. Оказалось, что практически использовать внутриядерную энергию таким способом, во всяком случае, нелегко. Выводы, сделанные в этом докладе, вообще говоря, на данный момент надо считать пессимистическими».

С этого дня Яков Борисович Зельдович и Юлий Борисович Харитон уже не могли раствориться во времени, они оказались на виду. Естественно, что оба были привлечены к «Атомному проекту СССР»: оба оказались на «объекте» и уже вместе шли к созданию атомного и термоядерного оружия.

Впрочем, весьма странно, что именно таким оказался путь Харитона! Вдумчивого исследователя не может не поражать странность этой судьбы: казалось, все было против того, чтобы Юлий Борисович стал носителем высших государственных тайн в СССР. Нас убеждали, что люди с таким происхождением и такими родственниками, как у Харитона, в лучшем случае могли работать дворниками, ну а в реальности - вкалывать на Колыме или Крайнем Севере. Судите сами, свидетельствует главный конструктор А.А. Бриш:

«С раннего детства маленький Юлий был лишен постоянного общения с матерью. Она, будучи актрисой Московского государственного театра, встречалась с мужем и сыном только в летнее время на даче под Петербургом. Когда Юлию минуло шесть лет, мать уехала в Германию и обратно не вернулась... Отец в 1922 году был выслан из России с группой идеологически чуждой интеллигенции, поселился в Риге, и Юлий Борисович с ним больше не встречался. В 1940 году, после присоединения прибалтийских республик к СССР, отец Ю.Б. был арестован и погиб в заключении...

Во время войны с Германией сестра Ю.Б. Лидия Борисовна, жившая в Харькове, ока-



брал у него интервью, но долгие годы (даже десятилетия!) не удавалось рассказать о главном в его жизни - о работе над ядерным оружием. И только в начале 90-х годов удалось побывать в Арзамасе-16, встречаться там с научным руководителем ядерного центра, проводить его в «почетные научные руководители», отмечать юбилеи... Помню одно свое ощущение: создатель впечатления, что академик Харитон вечен.

Бывает представление, что жизнь в «закрытом городе Харитона» была чуть ли не безоблачной, особенно после того, как была создана и испытана первая атомная бомба. Даже появилась шутка: «Будете жить при коммунизме в окружении социализма». Но это был взгляд со стороны.

В.А. Цукерман, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и трех Госу-

## МОСТ, ЗАМЕШЕННЫЙ... НА СОВЕСТИ

Есть сооружения, без которых невозможно представить себе Москву. Скажем, Бородинский мост с его гранитными колоннами и обелисками, несущий имена героев сражений 1812 года. Его история - свидетельство благодарной народной памяти.

Был когда-то на его месте сооруженный еще при Екатерине II плавучий Дорогомилловский мост, получивший в ознаменование 25-летия великой битвы название Бородинского. Пятидесятилетие сражения Москва отметила строительством каменного моста, столетие - созданием нынешнего ансамбля по проекту инженера Н.И. Осолковца и архитектора Романа Ивановича Клейна. Это был первый архитектурно-мемориальный мост в Москве, конкурс на который собрал множество участников. Победа Клейна была убедительной.

Ровно полвека назад мост реконструировали - расширили, подняли, сделали новые пролеты. Но клейновский замысел остался: над ровным берегом архитектор поднял два обелиска, а у высокого соорудил колоннаду. Этот мост ведет к дороге русской воинской славы - старому Арбату.

...Клейн начинал свой профессиональный путь участием в строительстве Исторического музея. Молодой архитектор не мог рассчитывать на то, что будет принято его неожиданное предложение - покрыть все зда-

ние многоцветными изразцами на ярко-белом фоне. Но уже вскоре Клейн завершает собственную постройку - дом № 8 по Страстному бульвару, на углу Пушкинской площади и Большой Дмитровки. Здесь помещалось латышское землячество, с 1914 года модный кинотеатр «Фурор», а затем Московский дом художественной самодеятельности.

Имя Клейна связано и со зданием театра «Современник» - бывшего кинотеатра «Коллизей» на Чистых прудах. Его торжественное открытие состоялось 15 августа 1914 года. Спустя три года помещение займет Первый рабочий театр Пролеткульта, преобразованный затем в театр ВЦСПС. С 1936 года здесь снова открылся кинотеатр, на ступенях которого в октябре 1941-го собрался будущий партизанский отряд вместе с Зоей Космодемьянской.

О Клейне напоминает также одно из самых удобных торговых зданий в Москве - Центральный универмаг, или ЦУМ, памятный старым москвичам по названию строившей его торговой фирмы «Мюр и Мерилиз». Пришедший на смену традиционным московским пассажирам универсальный торговый магазин отличался превосходной функциональной планировкой и освещенностью, предвосхищавшая будущие сплошные стеклянные стены. Архитектор обратился к принципиально новым строительным материалам: в его здании железобетонные столбы-опоры несут железобетонные перекрытия этажей, окна заключены в тонкие металлические переплеты.

По проектам Клейна возведены десятки комфортабельных доходных домов, общественных, промышленных, торговых и учебных зданий. Однако ни одно строительство не далось архитектору так тяжело, не

потребовало столько гражданского мужества, как сооружение Музея изящных искусств императора Александра II (теперь Музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина на Волхонке).

Дореволюционная Москва никого из архитекторов не ставила в привилегированное положение при получении заказов, каждый раз это был конкурс. Острее творческое соревнование принесло победу Клейну, но оно же оказалось едва ли не самой легкой ступенью в долгой истории строительства. Казалось, важнейшим моментом было полное взаимопонимание архитектора и инициатора создания музея профессора И.В. Цветаева, отца знаменитой поэтессы. Однако и при этом трудностям не было конца: постоянные препятствия со стороны отцов города, острая нехватка денег (здание строили на народные пожертвования), разногласия среди меценатов, годы работы без жалованья. И в довершение всего - декабрьский пожар 1914 года, охвативший неоконченное здание и уже переведенные в него коллекции. Только потому, что Клейн на сильном морозе сам руководил работой пожарных, здание и большую часть экспонатов удалось отстоять.

Первые самостоятельные московские заказы связывают Клейна с районом Девичьего поля. Здесь, в Олсуфьевском переулке, он строит свой деревянный домик - сначала одноэтажный, а в 1890 году надстроенный вторым этажом, где размещает чертежную мастерскую, обширную библиотеку и кабинетик для отдыха. Это своего рода квартал строителей Москвы. По одну сторону, рядом с Клейном, располагается владелец паркетной мастерской крестьянин Кузин. У него маленький дом на участке, паркетная мастерская и обще-

житие для рабочих. Все это хозяйство ему проектирует сам Клейн (Олсуфьевский переулок, 8). По другую сторону живет подрядчик по строительным материалам Пантелеев, тоже крестьянин, сумевший записаться в купцы и оплативший проект своего дома модному строителю Кукушеву (Олсуфьевский переулок, 1 и 2/4).

Кто только не бывал в этих скромных стенах! Постоянными гостями дома были профессор Московского университета, художники Поленов и Васнецов, Коровин и Серов, скульптор Опекушин... Обязательная личность архитектора привлекала к нему современников. К тому же сам Клейн никогда не сторонился общественных дел: состоял гласным Московской городской думы, попечителем совета ремесленного училища, членом Особого комитета по строительству музея 1812 года...

Первая мировая война, революция - не лучшее время в истории градостроительства. В этот период Клейн преподавал, ведь он уже избран академиком архитектуры. Ведет занятия в эвакуированном в Москву Рижском политехническом институте, а затем, почти до самой кончины, в Московском высшем техническом училище.

«Он не был записным оратором, тем более Иоанном Златоустом, - вспоминает один из его бывших студентов. - Романа Ивановича скорее можно было обвинить в излишней сухости изложения, если бы не то, что каждое его слово обращалось к профессиональной практике и подтверждалось ею. Как только студенты это осознавали, они не пропускали ни единого его занятия, записывали каждую мелочь, сверяли после лекций свои записки. Он часто говорил о профессиональной совестливости, что архитектор, как никто другой, с нее начинается и ею проверяется, при отсутствии же ее просто не имеет права называться зодчим. «В Москве так всегда велось», - добавлял Клейн».

**Нина МОЛЕВА,**  
доктор исторических наук